

ДИСКУРСОЛОГІЯ: СЕМАНТИКА І ПРАГМАТИКА

УДК 801.001

К ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

П.Н. Донец, доктор филол. наук (Харьков)

В статье предпринимается попытка построения типологии культурных кодов. Культурные коды отграничиваются от других семиотических систем, предлагаются критерии их типологизации. В качестве важнейшего критерия выступает род означающего. Согласно ему, выделяются, в частности, абстрактные, предметные, событийные и акциональные коды.

Ключевые слова: знак, код, культурный код, лингвокультурология.

Донец П.М. У статті здійснюється спроба побудови типології культурних кодів. Культурні коди відмежовуються від інших семіотичних систем, пропонуються критерії їх типологізації. Найважливішим критерієм виступає рід визначаючого. Згідно з ним, виділяються, зокрема, абстрактні, предметні, подіїв та акціональні коди.

Ключові слова: знак, код, культурний код, лінгвокультурологія.

Donec P.N. An attempt of construction of a typology of cultural codes is undertaken in the article. Cultural codes are differentiated from other semiotic systems, the criteria of their typologising are offered. The sort of the signifier appears as the major criterion. According to it, abstract, object, event and actional codes are distinguished among others.

Keywords: sign, code, cultural code, linguoculturology.

Актуальность настоящего исследования определяется активным обсуждением проблемы культурных кодов в современной лингвокультурологии и смежных дисциплинах, не приведшем, однако, к ее сколь-нибудь удовлетворительному прояснению. Его предметом являются культурные коды, а целью – построение предварительной типологии последних. Исследование выполнено, в основном, на немецко- и русскоязычном материале.

Термин “культурный код” логическим образом предполагает, во-первых, наличие кодов, как таковых, а во-вторых, кодов “культурных”, отличных от кодов “не культурных”.

Всякий код представляет собой систему знаков и правил их комбинирования, используемых для извлечения / передачи информации из окружающе-

го мира / в окружающий мир, а также ее хранения и обработки.

Традиционно, по Ч. Пирсу [5], выделяют три основных типа знаков:

- **иконы** – знаки, указывающие на предмет благодаря своему сходству с ним;
- **индексы** – знаки, указывающие на предмет благодаря непосредственной каузальной связи с ним (к примеру, дым как знак пожара);
- **символы** – знаки, указывающие на предмет благодаря условной, конвенционально принятой связи между ними.

Представляется, что “индексы” являются, скорее, импликациями, то есть логическими операциями, а не знаками в узком смысле слова, для которых характерно статическое отношение “означающее – означаемое”. Основным ментальным про-

явлением семиотичности (знаковости) следует считать *актуализацию* значения, а не те или иные умозаключения.

Другими словами знак *замещает* нечто, а не является следствием, причиной, условием и т.п. чего-либо.

Естественно-языковой код занимает выдающееся место в списке семиотических систем – как по количеству входящих в него знаков, так и благодаря многоуровневому характеру своего устройства (фонема – морфема – лексема – предложение/высказывание – текст), причем центральное место в нем занимает уровень лексики. Большая часть знаков иных кодов относится, напротив, к пропозитивно-событийному уровню (который соответствует уровню предложения/высказывания в языке): “Зеленый цвет светофора” → “Можно ехать!”, “У меня два просвета и одна звездочка среднего размера на погонах” → “Я – майор”, “Я езжу на „Порше“” → “Я богат и успешен” и т.д.

Что же касается атрибута “культурный”, то выше уже упоминалось, что само понятие “культурных кодов” предполагает наличие кодов “не культурных”. Первые можно достаточно легко противопоставить кодам животных или машинным. Сложнее обстоит дело с соотношением вербальных и культурных кодов. Так, С.И. Иванова полагает, “... , что перечне кодов культуры должен обязательно присутствовать речеповеденческий код” [1, с. 40]. В этой связи представляется, что в рамках философии или лингвистики вербальные коды, безусловно, могут быть признаны частью культурных. С точки зрения же лингвистики, а точнее говоря, лингвокультурологии, лингвострановедения или теории межъязыковой межкультурной коммуникации, эти объекты, очевидно, необходимо разделить, так как культурный аспект стал в свое время новой гранью традиционного предмета языкознания, обеспечив саму суверенность существования указанных дисциплин. Граница между вербальными и невербальными кодами, впрочем, не является герметичной, поскольку элементы последних часто вербализуются в обществен-

ном дискурсе.

Выбор “культуры” в качестве базовой категории влечет за собой необходимость ряда уточнений применительно к кодам.

Во-первых, учитывая уровневый характер культуры, нужно выделить супра-, национально- и субкультурные коды. Под углом зрения лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, интерес представляют, прежде всего, знаки национально-культурного уровня, а также элементы субкультурных кодов, известные большинству или, по крайней мере, многим носителям соответствующей культуры.

Субкультуры различаются по социальному, временному, региональному и другим признакам. В связи с этим могут быть выделены коды отдельных профессий, политических движений, эпох, гендеров, жанров искусства и т.д.

Во-вторых, категория “культуры” тесно связана с понятием специфики, потому что, как известно, культуры зачастую отличаются друг от друга и изучаются преимущественно в контрастивном разрезе. Эта традиционная конфронтативная направленность культурологии не могла не сказаться на исследованиях в области культурных кодов, обуславливая их ориентацию на особенности сопоставимых кодов в различных культурах.

В отечественной лингвокультурологии проблемой культурных кодов, пожалуй, наиболее подробно занималась В.В. Красных. Она определяет его как „сетку“, “которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и „кодируют“” [2, с. 97].

Первая часть этого высказывания весьма напоминает известное положение о “картировании” мира языком, главным образом, его лексико-семантической подсистемой, что, на мой взгляд, несколько завышает значение культурных кодов для процессов социальной коммуникации.

Вопрос соотношения культурных кодов и архетипов заслуживает отдельного рассмотрения. Тен-

денция к увязыванию категории кода с глубинными структурами культуры достаточно явственно выражена в лингвокультурологии. Так, М.В. Пименова говорит о “духовном” коде, проявляющем систему ценностей народа, этические нормы, оценки и т.д. [4, с. 5]; по мнению В.И. Шаховского, “... этнический культурный код – это определённая совокупность знаний о культуре данной языковой общности. Эти знания существуют в *свёрнутом* (выделено мной – П.Д.) виде, включая в себя национальный предметный код. В культурный код входят: этническая картина мира, лингвально-национальное мировоззрение, базирующееся на истории общества, его стереотипах, традициях, нравах, шкале оценок, культурных ценностях” [7, с. 119]. В данном значении этот термин достаточно часто используется и в публицистике: “Другие смотрят на дело иначе. Видят корень зла в потере *культурного кода* (выделено мной – П.Д.), в стремительной урбанизации, которая уничтожила старый уклад и не создала новый. Перестав быть в массе своей крестьянами, мы так и не стали горожанами. До сих пор пребываем в состоянии культурного междометия: ни в городе Богдан, ни в селе Селифан” [6].

Как представляется, если здесь и можно вести речь о кодах, то лишь в биологически-генетическом смысле: архетипы, ценностные и эстетические установки, нормы и т.п. являются своего рода “геномом” культуры, “разворачиваясь” в жизни каждого следующего поколения ее носителей. Отнести их к знакам в семиотическом смысле будет, однако, вряд ли оправданным.

Уже упоминавшаяся В.В. Красных предложила следующую типологию культурных кодов:

1. соматический (телесный);
2. предметный;
3. пространственный;
4. биоморфный;
5. временной;
6. духовный [2, с. 298]

О количестве и критериях выделения приведенных типов можно поспорить: неясно, к примеру, почему соматический код не относится к био-

морфному, и оба они – к предметному. В случае духовного кода непонятно, что является исходным пунктом типологизации: означающее или означаемое.

Означающее является, вероятно, наиболее важным признаком типологизации для культурных кодов. По этому признаку, в частности, могут быть выделены: *предметный, абстрактный, событийный и акциональный* коды. В рамках предметного кода, в свою очередь, можно выделить два обширных субкласса: *биоморфных* и *вещественных* знаков. Их отличительной чертой является возможность использования иконических средств семиозиса.

Среди биоморфных знаков главную роль играют субклассы растения (*береза, Eiche*), животные (*вол, Ochse*) и люди, причем в последнем из них знаковыми фигурами могут быть как конкретные личности (*Г. Распутин, А. Г. Смаханов, М. Luther, der Vater des Wirtschaftswunders*), так и фольклорные или литературные персонажи (*Дубровский, Тарас Бульба, Kaiser Barbarossa, Wilhelm Tell*).

Высоким семиотическим потенциалом обладают также отдельные части человеческого тела, прежде всего, конечности и лицо (жестика, мимика, кинесика), в которых, как известно, довольно часто встречаются культурно-специфические знаки (*показать фигу, den Vogel zeigen*).

К числу абстрактных кодовых систем можно отнести время, место, направление (ср. нем. *die Katze von rechts, bedeutet was Schlecht's – Ковка справа означает нечто плохое*), цвета (в немецкой культуре, например, не принято дарить красные розы малоизвестным женщинам), цифры (“счастливые” и “несчастливые”, чет / нечет – к примеру, количество цветов в букете).

Вещественные коды характеризуются большим разнообразием – к ним можно отнести *флаги, эмблемы, вывески, знаки отличия, ордена, талисманы, униформы, татуировки, украшения, прически, определенные марки автомобилей, часов, мест проживания и отдыха, одежды, законченные вузы* и т.д. – последние обычно называются “символами статуса”, к которым мож-

но добавить “символы самовыражения”.

Событийные коды охватывают как регулярно повторяющиеся события – например, праздники (*Пасха, Weihnachten*), так и уникальные, “знаковые” события, олицетворяющие начало, пик или завершение того или иного важного исторического периода в жизни соответствующего этнического сообщества (*Октябрьская революция, перестройка, Novemberrevolution, Stunde Null*).

К “знаковым” действиям (акциональный код) можно причислить многие ритуалы и иные формы “демонстративного” поведения: выражение уважения/неуважения, соблюдение/нарушение табу и т.д.

Отдельного упоминания заслуживают т.н. “прецедентные” феномены, занимавшие одно из центральных мест в современной лингвокультурологии (3). В рамках этой области выделяются два выраженных субкода: “персонажи” → “человеческие качества” – некоторые из них могут, кстати, коррелировать и с национально-культурными архетипами (*Манилов, Обломов, Hauptmann von Köpenick, der Untertan*), и “высказывания” → “типическая ситуация”, причем здесь наблюдается тенденция к расширению денотата, характерная в целом для фразеологии (слова М. Лютера “*Hier stehe ich, ich kann nicht anders...*” могут использоваться практически в любой ситуации, в которой человеку приходится отстаивать свое мнение).

Типологизация культурных кодов возможна также по означаемому (т.е. с точки зрения ономастологии), которое поддается моделированию как своего рода тематическое поле: “человеческие свойства”, “социальный статус”, “идеологическая ориентация”, “власть”, “почет” и т.д., однако, она вряд ли имеет столь же высокую эвристическую ценность, как классификация по означающему.

Вышеизложенные рассуждения являются лишь предварительными набросками решения проблемы исчерпывающего описания культурных кодов, и теоретические изыскания в этом направлении, безусловно, должны быть продолжены. Не менее важной задачей, однако, представляется поиск и систематизация реально функционирующих в культурах стран изучаемого языка невербальных знаков. За немногими исключениями (в частности, знаков жестики и мимики), эта задача далека от разрешения во всех дисциплинах цикла межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова С.В. Понятие культурного кода и процессы кодирования и декодирования культурных смыслов / С.В. Иванова // Человеческий фактор в языке и культуре : сб. науч. ст. / отв. ред. Р.З. Мурясов. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – С. 37–45.
2. Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
3. Красных В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / [В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева] // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
4. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / М.В. Пименова, – СПб., 2001. – 32 с.
5. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. – СПб. : Алетейя, 2000. – 352 с.
6. Фефелов А. Русь в потоках силы [Электронный ресурс] / А. Фефелов. – Режим доступа : <http://www.zavtra.ru/content/view/rus-v-potokah-silyi/>
7. Шаховский В.И. Литературный интекст как ключ к культурной памяти русского социума (на материале публикаций А. Минкина) / В.И. Шаховский // Политическая лингвистика ; гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2008. Вып. (2) 25. – С. 115–122.